

УДК 94(470.67)

Идрисов Ю.М.¹, Абдусаламов М.-П.Б.²

¹Дагестанский государственный институт народного хозяйства (г. Махачкала)

²Северо-Кавказский филиал Российской правовой академии (г. Махачкала)

**СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ, ЕГО ГЕОГРАФИЯ,
НАСЕЛЕНИЕ И ФЕОДАЛЬНАЯ ЭЛИТА В ОПИСАНИЯХ
ЭВЛИИ ЧЕЛЕБИ И АДАМА ОЛЕАРИЯ: РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВА**

Y. Idrisov¹, M. Abdusalomov²

¹The Dagestan State Institute of National Economy, Makhachkala

²North Caucasus (Makhachkala) branch of the State Institution
of Higher Professional Education Russian Legal Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation

**NORTH-EAST CAUCASUS, ITS GEOGRAPHY, POPULATION,
AND FEUDAL ELITE DESCRIBED BY EVLIYA CHELEBI
AND ADAM OLEARY: DIFFERENCES AND SIMILARITIES**

Аннотация. В статье анализируются сведения путешественников XVII вв. Эвлии Челеби и Адама Олеария о Северо-Восточном Кавказе и его правящей феодальной элите, порядке управления и обычаях в регионе. В статье приведен богатый фактический материал, использованы цитаты из источников, дан их подробный сравнительный анализ. Авторы статьи обратили внимание на различие оценок путешественников в отношении увиденного и исследуют причины появления этих разночтений. По их мнению, на восприятие увиденного путешественниками оказали влияние современные им события и религиозные представления о людях своей и иной веры.

Ключевые слова: Эвлия Челеби, Адам Олеарий, Северо-Восточный Кавказ, Дагестан, шамхал, Тарки, Дербент, падишах, феодалы, религия турок, немец, мировоззрение, традиции.

Abstract. The article analyzes the data from books of Evliya Chelebi and Adam Oleary, the XVIIth century travelers, about the North-East Caucasus and its ruling feudal elite, its administrative procedures and customs. The paper presents a vast factual material, includes quotation of the sources, and offers a detailed comparative analysis of the data. The authors of the article attract the readers' attention to differences in the travelers' estimations of what they had seen and investigate the reasons of such differences in interpretations. They consider that the travelers were under influence of the events of their contemporary life. Besides, the religious ideas had a great impact on their outlook and perception of people of other faith.

Key words: Evliya Chelebi, Adam Oleary, North-East Caucasus, Dagestan, shamkhal, Torquay, Derbent, padishah, feudal lords, religion of the Turks, German, outlook, traditions.

Эвлия Челеби и Адам Олеарий – это два ярких современника, путешественника и исследователя. Сомнительно, что они даже слышали друг о друге. Различными были их судьбы, религиозные убеждения, взгляды на жизнь, различными были и причины появления этих двух путешественников в Дагестане. Всё это не могло не наложить отпечаток на их восприятие увиденного. Потому кратко скажем и о самих путешественниках и о причинах их странствий.

Эвлия Челеби родился в Стамбуле в 1611 г. в семье придворного ювелира и сестры великого везира Мелик-Ахмед-Паши, умер в 1682 г. Он продукт апогея развития османской культуры и науки, современник учёного-энциклопедиста Хусейна Хезарфена, изобретателя Ахмета Хезарфена (прозван «Турецким Икарсом» за то, что перелетел на самодельных крыльях пролив Босфор в 1638 г.) и историков Ибрагима Печеви и Катиба Челеби. Испытывая огромный интерес к географии, этнографии и зоологии, Эвлия Челеби объездил множество стран, в том числе дважды посетил Дагестан. Первый раз, в 1641–1642 гг. он посетил и описал Дербент

© Идрисов Ю.М., Абдусаламов М.-П.Б., 2013.

и некоторые районы Южного Дагестана, а во второй раз, в 1666–1667 гг., сопровождая лишившегося престола крымского хана Мухаммад-Герая, объехал вместе с ним Кумыкию, побывал в Кайтаге, Табасаране, Дербенте а затем, совершив морское плавание по Каспийскому морю, высадился недалеко от русской крепости Терки. Именно последнее его путешествие и породило записи, лёгшие в основу нашего исследования.

Адам Ольшлегель (Олеарий или точнее Олеариус – латинизированная форма настоящей фамилии) на 12 лет старше Челеби, сын портного из обнищавшей семьи, благодаря своей природной энергии и любознательности получил высшее образование и развился в универсальную личность, сочетавшую в себе таланты историка, лингвиста, математика, географа, физика и конструктора. Умер в 1671 г.

Голштинский герцог Фририх III, на службе которого находился Олеарий, являлся союзником Дании, Испании и Австрии в их борьбе против Франко-Шведско-Голландского альянса. По мнению сподвижника Петра I и исследователя Каспийского побережья Фёдорова Соймонова, главной побудительной целью организации голштинского посольства в Персии являлось именно стремление нанести ущерб голландской экономике, нарушив её монополию на торговлю с Персией. Ещё до начала путешествия, в Гамбурге под эгидой герцога Голштинского была основана Персидская купеческая компания, главным активистом которой являлся Оттон Брюггеман. Последний вместе с дипломатом Филиппом Крузенштерном (прадедом русского адмирала Ивана Крузенштерна) был назначен главой голштинского посольства в Персию, а Олеарий их секретарём и переводчиком.

Судно Брюггемана по своей конструкции было совершенно неизвестно на Каспии. Построено оно было в Нижнем Новгороде под руководством голштинского «корабельщика». В длину оно достигало 120 футов, в глубину семь футов, имело три мачты и 24 весла, стало на мель в Низабаде [8, с. 322-323]. Дальше пришлось идти по берегу.

Надежды компании на сверхдоходы не оправдались. Голштинские купцы убедились, что, даже купив в Персии шёлк за полцены, они не смогут оправдать деньги за провоз товара по Волге и в обход Скандинавского полуострова. В качестве утешения шах Сефи одарил Брюггемана, Олеария и других незадачливых негоциантов деньгами на обратный путь [8, с. 322-323].

Несмотря на неудачу в Персии, голштинцы оставили большой след в истории Северо-Восточного Кавказа. Любопытнейшим фактом являются экономические переговоры, которые состоялись в городе Эндирей 15-17 мая 1638 г. между шамхалом Айдемирком, сыном Султан-Махмуда, с одной стороны, и Филиппом Крузенштерном и Отто Брюггеманом – с другой. Договор оформил Адам Олеарий. Насколько известно, это единственный в истории подобного рода официальный договор между западноевропейским и северокавказским государствами [6, с. 511]. Брюггеман обещал шамхалу, что голштинские купцы будут посещать Эндирей ежегодно, но его слова так и остались лишь обещаниями.

Челеби называет Дагестан «государством высокородных шамхалов» (Al-i Shamhaliyan Devleti) [1, с. 117]. «Бессмысленно тягаться и выйти победителем в борьбе с дагестанским шахом». Численность армии шамхала Сурхая он оценивает в 87 тысяч человек. «Дагестанский край со всех сторон окружён (владениями) правителей семи падишахств, семи ханств и семи областей, и они днём и ночью воюют с владельцами каждого края, и они храбрые молодцы, дающие отпор всем врагам» [10, с. 108].

Турецкий путешественник утверждает: «Дагестанская страна» включает в себя семь ханств, сорок семь кадийств, сорок один город и 56 крепостей [10, с. 107, 115]. Демир-Капу (Дербент) по его мнению, имеет 7 смертельных врагов, среди которых он на первое место ставит казаков [9, с. 174].

Вообще заметно его стремление все страны делить на семь областей и окружать их семью пограничными государствами, упоминать 7 врагов и т.д. Число семь играет нема-

лую роль в мусульманской традиции (7 небесная, 7 спящих отроков в Эфесе, 7 климатов (областей) обитаемой части земли (ойкумены) и т.д.), поэтому нет причин понимать сообщение Челеби буквально. Говоря о торговле, Челеби сообщает, что в Дагестане не употребляют курушей и «алтунов» и преобладает меновая торговля, однако, местные «...купцы никогда не ездят в Иран. Но они ведут торговлю с неверными москвитами» [10, с. 107].

Границей владений иранского и дагестанского падишахов Челеби определяет город Демир-Капу (Дербент) [10, с. 108]. Исследователи до сих пор уделяют мало внимания тому обстоятельству, что Олеарий отличает «сирийские» надписи на кладбище от арабских [2, с. 110]. Общеизвестно, что до арабизации Сирии в ней бытовала арамейская письменность.

Отдельно Эвлия Челеби сказал о советниках шамхала: «Везир шамхал-шаха Таки-Хан. Упомянутый хан знает наизусть Коран, он стар и благочестив. За ним следуют: хан – владетель страны Карабудак, Улу-Бей, Али-Бей, Касым-Бей, Казанал-Бей, Мухаммед-Бей, Илкас-Бей, Ливарди-Бей, Хайдар-Бей, Халил-Бей, Чобан-Бей и ещё имеется множество беев. Им принадлежит власть. Ни один приём не обходится без появления шамхал-султана. Они называют это появлением на ханском собрании. В нём представлены все ханы – правители страны. А потому оно объявляет о создании любых благотворительных учреждений для бедных города Тарки».

По его словам властители отрицают роскошь и тщеславие, заботятся о своих подданных, в том числе и о немусульманах. Закон здесь находится в руках мусульманских богословов [10, с. 106]. «В одежде у них совершенно отсутствует шелк, ибо они, будучи мужами умеренными, шелка совсем не носят, следуя хадису: «Того, кто наряжается в мире сем, да не оденут в мире вечном»» [10, с. 106]. Челеби, явно идеализируя предмет описания, утверждает, что в этой стране не знают обмана, вероломства, зависти. Дагестан Челеби считал культурной для своего времени страной.

Совершенно иначе описывает увиденное Адам Олеарий. Указав, что сын предыдущего шамхала Эльдара, Имам-Мурза боится быть отравленным своим двоюродным братом Сурхаем, он приводит цитату из Библии: «Князья твои – сообщники воров» (Исайя, I). В полном объёме цитата звучит следующим образом: «Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь – убийцы. Серебро твоё стало изгарью, вино твоё испорчено водою; князья твои – законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гонятся за мздою; не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них». При таких обстоятельствах о «благотворительных учреждениях для бедных города» не могло быть и речи.

В свою очередь, вышеназванный Сурхай охарактеризовал Султан-Махмуда (в данном случае его сына шамхала Айдемира) как разбойника, которому кровопролитие доставляет одно только удовольствие [6, с. 505].

И всё же и голштинский дипломат не смог скрыть своего восхищения вольнолюбием кумыкского князя, брата будущего шамхала Сурхая, обозначив его по титулу Мурза, правда, и скрасив его иронией. Он описал выразительный эпизод, произошедший в 1636 г. в русской крепости Терки: находившийся в крепости Мурза отказался встать и выпить за здоровье Великого князя Московского. На вопрос терского служилого князя Мусала Черкасского: «Разве не знает он, в чьей земле он теперь находится? Мурза дерзко отвечал, что еще сомневается, находится ли он в земле Великого князя или в своей собственности... Ибо Терки и вся эта область недавно еще принадлежала татарам (кумыкам. – Ю.И., М.-П. А.)» и прибавил от себя, что «...хотя Мусал и ходит в красивых одеждах, все-таки он не что иное, как раб великого князя; он же в своих простых одеждах князь свободный, никому, кроме Бога, неподвластный» [6, с. 428].

Ещё в одном месте Адам Олеарий приводит яркий пример высокой оценки собственной независимости буйнакскими подданными шамхала, заявлявшими, что им нет дела ни до персидского шаха, ни до московского

князя и что они не состоят в подданстве ни у кого, кроме Аллаха [6, с. 496].

Кроме Тарки и Деспир-Капу, Челеби также описывает такие феодальные владения, как Эндирей, Кайтаг, Табасаран, Кюбечли (Кубачи), Судакер (Цудахар). Говоря о Кайтаге, турецкий путешественник ошибочно назвал местных жителей потомками монголов [10, с. 160], но если учесть, что побывавший в Кайтаге пятью годами позже голландец Ян Стрейс зафиксировал факт службы у кайтагского уцмья отряда «калмыкских татар» [2, с. 138], можно допустить предположение, что именно с этими «монголами» Эвлия Челеби и повстречался.

Удивительное совпадение: правителя княжества Эндирей оба автора ошибочно именуют «шамхалом Султан-Махмудом», то есть отождествляют с известным в Северо-Кавказском регионе историческим деятелем конца XVI-первой половины XVII вв. Султан-Махмудом (Солтан-Мутум, в местной традиции), никогда шамхалом не являвшимся. На самом деле Олеария встречал его старший сын шамхал Айдемир, а Эвлию Челеби – его младший сын Казан-Алп. Оба автора уделяют большое внимание географии региона, сравнивая её особенности с известными их читателям реалиями своей родины. Например, Олеарий сравнивает реку Койсу (Сулак) с Эльбой и указывает её глубину в более чем три человеческих роста [6, с. 508].

Оба автора одинаково подчёркивают верховный авторитет шамхала Тарковского над прочими дагестанскими феодалами. Эвлия Челеби титурует шамхала шамхал-шахом, шамхал-султаном, падишахом и даже шахиншахом Дагестана, а немецкий путешественник охарактеризовал шамхала, как царя между дагестанскими владетелями [6, с. 485]. Титул же шамхал (в кумыкской транскрипции: шавхал) он переводит как "светоч" ("Lumen") [6, с. 495].

Большое внимание и немец и турок уделяют столице шамхальства – городу Тарки. «С давних времён Тарки является местом престола шахиншаха Дагестана», – пишет Челеби, который даже посвятил городу заголовок «О свойствах великого города Тарки», «В

похвалу городу Тарки» [10, с. 105-106]. Благодаря же голштинскому автору до нас дошла гравюра с изображением самого города, единственная в своём роде.

И турок и немец особый интерес проявили к Каспийскому морю. Челеби приводит любопытные сведения о названиях Каспийского моря: «Это море по названию каждого края, называют Ширванским и Демир-Капу, Гилянским и Хорезмским Фагфурским и морем страны Кызлар, Московским и Астраханским, морем Железных ворот и Алатырским, Терским морем... Но в этой местности его именуют Дагестанским и Ширванским морем» [10, с. 107].

Олеарий, вкратце описав страны, окружающие Каспийское море, приходит к мысли, что его можно по праву назвать Средиземным морем, ибо, как писал Геродот: «Море Каспийское существует само по себе и не соединяется с другими» [6, с. 442].

К таким же выводам приходит и Челеби, указывая на невозможность соединения Каспийского, или, как он, указывает Хазарского моря с Черным через реку Фашо (Фасис) в Грузии в связи с тем, что в Фашо вода сладкая, а «вода Хазарского моря хуже смертельного яда» [9, с. 172].

Оба автора прибегают к гипертрафированным утверждениям и сравнениям при описании местных обычаев, тяготея к «экзотике», стремясь этим поразить своих читателей. Например, турок утверждает: «Совсем юные мальчики в 10 лет обрастают бородой» [10, с. 110].

Немец, в свою очередь, описывает странный и неизвестный у кумыков обычай, имевший место, по его словам, в Эндирее в первой половине XVII вв. Во время свадеб гости приносили стрелу, которой стреляли в потолок и оставляли в таком положении пока она не сгниёт [6, с. 509].

В обоих сочинениях была отмечена роль расположенного на горе близ Дербента мавзолея (зиярата) легендарного героя тюркского эпоса Дедема Коркута (Имама Корхуда у Олеария) в религиозной жизни азербайджанцев [10, с. 176].

Любопытно, что оба путешественника упомянули такое маленькое государственное образование Дагестана, как Цахур. Олеарий – в связи с тем, что туда был увезён украденный солдат из его сопровождения, шотландец Вильгельм Гой [6, с. 506], а Челеби, лично побывавший в Цахуре, указывает на воинственность его населения [9, с. 178].

Адама Олеария сопровождал крупнейший немецкий поэт своего времени Пауль Флеминг. Он также оставил описание увиденного, но в стихотворной форме. Его стихи приводит в своей книге и Олеарий. Сказал Флеминг свое слово и о дагестанских феодалах, особенно о шамхале, отмечая его грозность, а также горячность и дикость его подданных [3, с. 85].

Другой знаменитый спутник Олеария Иоганн Альбрехт фон Мандесло побывал в Дагестане лишь по пути в Персию, откуда он отправился в Индию и также оставил после себя записи о своих путешествиях, которые, к сожалению, до сих пор не издавались на русском языке.

Среди обстоятельств, вызвавших несходство описаний двух путешественников, на наш взгляд, следует выделить семь:

1) Различия в характере самих путешественников и причинах их повторного появления в Дагестане. Олеарий и его спутники вернулись в Дагестан, потерпев фиаско при дворе Сефи-Шаха, что было дополнительным раздражающим фактором в восприятии окружающей их обстановки.

2) Религиозный фактор. Олеарий и его спутники в восприятии дагестанцев XVII в. были чужаками, «кяфирами», которые ещё не подчинились мусульманской власти и которых поэтому «не грех» если не убить, то хотя бы ограбить. Местные жители в представлении голштинцев также чужаки, «неверные», варвары. Отсюда априори взаимные неприязнь и отчуждение. Не следует забывать, что Голштиния в Тридцатилетней войне была союзником двух главных врагов Османской империи – Испании и Австрии, активно проводивших в Европе антимусульманскую информационную войну в целях отвлечения об-

щественного сознания от идей Реформации [4, с. 117]. Война менее всего способствует объективной точке зрения. К тому же отличалось и одеяние, и этикет европейцев и кавказцев. Иное дело – почётные гости, мусульмане-сунниты: хан Мухаммад-Герей и Эвлия Челеби. «Дагестанский падишах шамхал-шах Султан-Махмуд прислал такие подарки, яства, пития, и хану было оказано такое уважение и всевозможные почести, что всё это не описать и пером» – резюмирует описание оказанного им почёта турецкий путешественник [10, с. 104]. Да и само понимание этикета у мусульман и христиан в исследуемую эпоху было совершенно различным.

3) Низкий статус купца Отто Брюгемана и дипломата мелкого и отдалённого немецкого княжества Филипа Крузенштерна, не имевшего к тому времени уже и верительных грамот и, что самое главное, дорогих подарков (они погибли вместе с судном) и его секретаря и переводчика Олеария в сравнении с пусть и беглым, но ханом Мухаммед-Гереем и придворным турецкого султана Челеби, который имел при себе верительную грамоту даже от австрийского императора, что поразило астраханского воеводу при их встрече [9, с. 132].

4) Слабую степень информированности европейцев о Дагестане в сравнении со знаниями турок и других ближневосточных народов. Показательно, что на карте, составленной в Ватикане в конце XVI в., на территории Дагестана всё ещё была указана Хазария [7, с. 100].

5) Фактор языка общения. Хотя Олеарий владел восточными языками и даже составил немецко-персидский словарь и перевёл на немецкий произведения Саади, его познания в тюркских языках вызывают вопрос, в любом случае они, если и были в наличии, носили книжный характер и не позволяли вести то живое общение с местными жителями, которое было доступно Челеби и особенно его крымско-татарским и ногайским спутникам.

6) Хронологический разрыв в их посещениях Дагестана. Олеарий посетил Дагестан в 1636-1638 гг., в самый разгар противостояния Айдемир-Шамхала и амбициозного и силь-

ного претендента на шамхальский престол Сурхая. Время междоусобиц никогда и нигде не благоприятствовало путешественникам. Эвлия Челеби, напротив, оказался здесь в период политической стабилизации, когда Сурхаю удалось стать единоличным правителем-шамхалом и вновь распространить власть своей династии вплоть до отдаленнейших горных уголков Дагестана и Чечни [5, с. 198].

7) Социокультурные стереотипы, сложившиеся за предшествующие века. Имманентные представления взяли верх над объективностью, и оба путешественника, каждый по-своему, описали увиденное так, как это хотелось бы видеть их землякам-читателям. К XVII в. на Западе и Востоке уже сложились традиции описания совершённых путешествий, и предлагать к прочтению объективную картину было ещё слишком рискованным шагом. Наименьшим наказанием для автора такого сочинения явилось бы отсутствие читательского интереса.

Наличие двух столь уникальных источников об истории Дагестана, как «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» Адама Олеария и «Книга путешествий» Эвлии Челеби и их сравнительный анализ имеют чрезвычайно важное значение для понимания объективной и возможной полной картины политической истории, нравов и экономического быта региона в XVII в. и дальнейшего развития их в последующем. Поэтому оба труда всё ещё имеют большой потенциал для современных исследователей. Яркие описания авторов, не тускнеющие и спустя три с половиной столетия, тонкость их наблюдений, их широкая эрудиция, употребляемые ими эмоциональ-

ные оценки и сравнения, и их впечатляющее воздействие остаются надёжной порукой актуальности их трудов и в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алиев К.М. Кумыки и их правители Шаухалы в османских (турецких) источниках XVI-первой половине XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. Вып. 2. – С. 115-122.
2. Гаджиев В.Г. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. / Сост. В.Г. Гаджиев. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. – 301 с.
3. Гамидов А. Дагестанские стихи немецкого автора. – Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография, 2007. – 111 с.
4. Лазарева А.В. Образ врага и становление немецкой национальной идеи в годы Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) // Вопросы истории. – 2013. – № 2. – С. 110-123.
5. Магомедов Р.М. История Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1998. – 208 с.
6. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. – 582 с.
7. Поляк А.Н. Восточная Европа IX–X вв. // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г. Г. Литаврина. – М.: Наука, 2001. – С. 79-101.
8. Соймонов Ф. Описание Каспийского моря и чиненых на оном российских завоеваний, яко часть истории Государя императора Петра Великого // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. – СПб.: Тип. Импер. АН, 1763. – 380 с.
9. Челеби Э. Книга путешествий. Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. – М: Главная ред. восточной литературы, 1983. – 376 с.
10. Челеби Э. Книга путешествий. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – М.: Главная ред. восточной литературы, 1979. – 287 с.